

Его статьи помогали увидеть суть самых острых и запутанных событий

В МОСКВЕ состоялась презентация двухтомника выдающегося журналиста-историка Станислава Кондрашова.

Для тех, кто во второй половине прошлого века читал «Известия», он был наблюдателем международной жизни высшей пробы. Его статьи помогали увидеть суть самых острых и запутанных событий. А их на долю Станислава Николаевича выпало с лихвой.

Тридцать лет он проработал собственным корреспондентом в США и Египте. Ему довелось освещать с заокеанского берега Карибский кризис 1962 года, строительство Асуанской плотины. Он лично знал всех выдающихся политиков Соединенных Штатов Америки 1960–70-х годов. Был членом Союза писателей СССР. Его художественно-документальные книги об Америке — «Путешествие американца», «Люди за океаном», «Свидание с Калифорнией», «Блики Нью-Йорка», «Жизнь и смерть Мартина Лютера Кинга», «Американцы в Америке», «Мы и они в этом тесном мире» и другие разошлись обычными для того времени сотысячными тиражами.

Работать корреспондентом в Америке — несказанная удача для любого журналиста послесталинской эпохи. Сегодня мы прекрасно понимаем, что за эту удачу предположительно платили высокую цену: раз тебя послали в «страну желтого дьявола» — бичуй его.

«Но Станислав не мог безропотно следовать этой линии, он писал о том, что видел, — вспоминает его друг и коллега Владимир Скосяев. — Помню я, работавший тогда в «Красной звезде», на одном дыхании прочел репортаж Кондрашова об убийстве президента Кеннеди. Он был пронизан сочувствием к семье погибшего и стране, пережившей трагедию. Так об Америке у нас не осмеливались писать»...

При этом корифей советской журналистики не стал тайным поклонником американских порядков. Много лет спустя в одной из своих статей, он напишет, что на американский «неприемлемо меркантильный, потребительский образ жизни смотрел через призму социалистического идеала».

Мало кто из элитной обоймы той партийной, коммунистической журналистики смог сохранить свое профессиональное лицо на все времена. Кондрашов сохранил, не взирая на сменяющихся лидеров страны, не делая конъюнктурных поправок в угоду Старой площади и Кремлю. Хотя вначале он рукоплескал Горбачеву и Ельцину, а потом, увидев, куда они привели народ, написал обличающую книгу «Слепые поводыри слепых»:

«Землю вскачь не пашут... Уже к концу 1992-го, первого года шокотерапии, не одолев сопротивления съезда народных депутатов, Ельцин был вынужден пожертвовать безжалостным теоретиком Гайдаром и выдвинуть в премьеры практика Черномырдина. В следующем, 1993 году, Ельцин,

ЗЕМЛЮ ВСКАЧЬ НЕ ПАШУТ

ФОТО ЕВГЕНИЯ РУХМАЛЕВА

расправляясь с непокорными вчерашними соратниками, палил из танков по московскому Белому дому — к смущению и ужасу своих заокеанских менторов.

...Ельцин, стартовавший на публичной сцене как борец с «привилегиями номенклатуры» советского периода, финишировал в Кремле как отец родной Березовского, Абрамовича и прочих так называемых олигархов, которые обеспечили ему победу на второй президентский срок».

За полвека работы Кондрашова в «Известиях» сменилось немало главных редакторов. Он писал в свою «единственную газету навсегда» честно и интересно. Правда, не все его мысли и наблюдения доходили до читателя: цензоры и партийные контролеры добросовестно отработывали свой хлеб. Станислав Николаевич болезненно переживал, как родная газета превращалась в чужую, в ней жестче советской становилась постсоветская цензура, «загонявшая свободу слова в рамки инфантильного, мгновенно обанкротившегося младодеформаторского мировоззрения».

«С весны 1997 года, когда «Известия» купил потанинский ОНЭКСИМбанк, «свобода слова» стала корпоративной. Новопришельцы определяли написанное коренными известинцами простенькой формулой: нравится — не нравится. Им, новопришельцам. То есть приговор исходил от людей, которые еще вчера не

имели никакого отношения к журналистике и ни в грош не ставили мнение быстро прозревавшего большинства читателей. Легче и свободнее стало выражать себя в иностранных газетах типа японской «Майнити»...

Вот так: пришли новые времена, и журналист, которого любили миллионы, оказался ненужным родной газете. И в мае 2000 года он ушел из «Известий», от которых, по его словам, осталось лишь название. «Не хотел и не мог блудить, отказываться от самого себя, от своих жизнью выстраданных убеждений человека и профессионала». Но перо и пишущую машинку у него никто не мог отнять: печатали в западных изданиях, в «Авторской прессе», «Московских новостях», в газете «Время МН». В 2004 году издательство «Международные отношения» выпустило его пятисотстраничный сборник публицистики «Пестрые заметки о блудном Отечестве».

В сентябре 2006 года на Всероссийском фестивале прессы, проходившем в Сочи, я получил эту книгу из его рук, да еще с трогательным автографом. Станислав Николаевич давал мастер-класс, после которого я напросился на интервью. Прежде чем отвечать на мои вопросы, он попросил меня рассказать о себе. Я поведал, что в журналистике с 14 лет, прошел огонь, воду и медные трубы. Слушал он очень внимательно. С гордостью сообщил ему, что одну из курсовых работ, когда учился заочно на журфаке Ташкентс-

кого госуниверситета, писал по его «американской публицистике». Ему было приятно это слышать. Он попросил мою визитку.

К сожалению, интервью с ним так и осталось в блокноте. А в конце августа прошлого года с глубокой скорбью прочитал в «Московских новостях», что Станислав Кондрашов скончался на 79-м году жизни. Помимо «МН», некролог поместили «Новые известия». В «Известиях», которым он беззаветно и преданно служил полвека, об утрате не появилось ни строчки.

Привожу несколько вопросов и ответов из интервью, записанного мною в Сочи-2006.

— Станислав Николаевич, в последние годы вы переключились с международных тем на внутренние. С чем это связано?

— Ну, во-первых, у меня сегодня нет возможности ездить по миру. Во-вторых, я бы не стал разделять журналистику на международную и внутреннюю. Это в советские

времена существовала такая жесткая регламентация. Международники не писали на внутренние темы. Это был бы взгляд со стороны, не без критического элемента. Власть боялась и не допускала этого: занимайтесь-ка своим делом, не лезьте в чужие дела, хотя они вовсе и не чужие, а родные. Чужой так или иначе оставалась за граница. В этом аспекте разделение свой-чужой поощрялось и в чем-то было основой международной журналистики. В годы горбачевской гласности я был одним из первых журналистов, выступивших против такого разделения.

— В своих воспоминаниях вы написали, что в советские времена международная журналистика была шелкой в «железном занавесе», замочной скважиной для подглядывания. Мир был запретной зоной, Запад — противником, которого надо было постоянно разоблачать. Как все-таки удавалось обходить эти запреты?

— Да это же просто. Сидишь и пишешь. Каждый пишет, как он дышит. Писал, как понимал и чувствовал. В конце концов, так или иначе это проходило. Правда, не без трудностей. Книжку «Путешествие американца» осенью 1984 года не пропустил Главлит. Когда же началась перестройка, ее опубликовали.

— Вы с надеждой и верой в большие перемены встречали приход к руководству страной сначала Горбачева, потом Ельцина. Затем разочаровались в них. А Владимир Путин вас не разочаровал?

— Давайте вспомним: с чего начинались ельцинские времена? С ребячьего подражания Америке, с обезьянничания, от которого мне, как бывалому американисту, становилось, мягко говоря, неловко. Цена ошибок младодеформаторов — 30 лет. Иными словами, еще много лет мы будем догонять не Америку, как при Хрущеве, а самих себя — Россию уровня 1989 года.

После разрушительного «парада суверенитета» Путину пришлось не разбрасывать, а собирать камни, не разваливать, а воссоздавать государство, в том числе и его экономические механизмы. Весьма нелегкая задача. Путин прижал олигархов. Гусинского и Березовского — в начале своего первого срока. Ходорковского — в конце первого и в канун второго. Социальная направленность его курса в чем-то облегчила положение бюджетников, но одновременно подчеркнула беспомощность государства, неспособного при огромных ресурсах служить ограбленному обществу. Надеюсь, путинские действия, кардинально противоположные ельцинским загогулинам, укажут четкую перспективу развития страны в интересах ее народа...

...«На сломе эпох. 1982–2006. Летопись очевидца» — так назвал Станислав Кондрашов свой двухтомник, изданный издательством «Международные отношения» незадолго до его смерти. Тираж мизерный — 1000 экземпляров. И книгу не купишь даже в столице — она разошлась среди почитателей его таланта. Они все из старшего поколения. А я бы порекомендовал тем, кто сегодня учится на журналиста, читать Кондрашова как учебник.

Осенью 2007 года международный фестиваль журналистов в Дагомысе начался с минуты молчания в память о Станиславе Кондрашове, и председатель Союза журналистов Всеволод Богданов сказал:

— С кончиной Станислава Николаевича, пожалуй, закрылась последняя страница истории советско-российской международной журналистики. На мой взгляд, это был самый глубокий и основательный журналист-международник последних десятилетий...

СТАНИСЛАВ РУХМАЛЕВ.
Сочи-Москва-Магнитогорск.